

Александр Восьмой

**Королева Охуэла 3:
Блокнот бунтаря**

18+

Александр Восьмой

Королева Охуэла

3: Блокнот бунтаря

«Автор»

2026

Восьмой А.

Королева Охуэла 3: Блокнот бунтаря / А. Восьмой — «Автор», 2026

Королева Охуэла, паж Обосаж и король Гугуль. Обосаж против канцелярита: битва за простое слово. Паж решает, что королевские документы слишком сложные, и начинает кампанию за понятный язык. Он заменяет «во исполнение высочайшего волеизъявления» на «королева сказала», чем вызывает шок у чиновников. Охуэла неожиданно поддерживает, Гугуль не понимает, в чём проблема, но рад, что стало короче. Атмосфера эпичной борьбы маленького человека с системой — и его маленькой победы.

Александр Восьмой

Королева Охуэла 3: Блокнот бунтаря

Глава 1. «Проклятие пергамента»

Тронный зал пахнул старой пылью, воском и чем-то тревожно-торжественным — будто само пространство здесь было обязано звучать сложно. Тяжёлые бархатные портьеры не пропускали ни лишнего света, ни лишней простоты. На стенах висели свитки, свёрнутые так плотно, что казались скорее доспехами, чем бумагой. Каждый из них будто говорил: «Я важен. Я непрост. Не смей меня понять с первого раза».

Паж Обосаж стоял перед массивным дубовым столом, на котором лежал документ, похожий на проклятие, записанное чернилами. Свиток был такой длины, что, казалось, в нём содержалась не воля королевы, а история всего королевства — включая погоду за каждый вторник.

Обосаж осторожно потянул за край пергамента. Тот развернулся с торжественным шорохом, словно сам по себе хотел подчеркнуть: «Сейчас ты узнаешь нечто исключительно важное и исключительно запутанное».

Он начал читать:

«Во исполнение высочайшего волеизъявления Её Величества Королевы Охуэлы, в свете необходимости обеспечения надлежащего уровня реализации поставленных задач, а также в целях содействия укреплению основ государственного устройства и поддержания должного порядка в пределах подведомственных территорий, надлежит осуществить нижеследующие действия...»

Обосаж моргнул. Потом ещё раз. Потом медленно провёл ладонью по лицу, будто пытался стереть с себя понимание прочитанного.

— Это не указ, — прошептал он, склоняясь к свитку, как к больному другу. — Это заклинание. Если я дочитаю до конца, у меня вырастет третья бровь. Или исчезнет память. Или начнётся дождь внутри головы.

Рядом стоял старый советник Кракмус, седой, как зимний мох, и важный, как сама история. Он смотрел на Обосажу с терпеливым снисхождением, будто видел перед собой ребёнка, который пытается прочесть надпись на древнем языке, не зная букв.

— Паж, ты должен понимать: чем сложнее формулировка, тем весомее документ. Простота — это удел базарных глашатаев. А мы — государственные люди.

— Но тут написано... ничего, — возразил Обосаж, тыкая пальцем в середину текста. — То есть написано много, но если убрать половину слов, останется: «Королева сказала сделать».

Кракмус побледнел так, будто паж только что предложил сжечь корону ради растопки камина.

— «Королева сказала сделать»? — прошептал советник, оглядываясь по сторонам, словно боялся, что стены донесут эти слова до самой Охуэлы. — Ты предлагаешь свести государственную волю к базарной фразе?

— Я предлагаю, чтобы люди понимали, что им делать, — упрямо сказал Обосаж. — Вот крестьянин в деревне. У него руки в земле, спина в поту, и он не учился в Академии Высоких Слов. Он просто хочет знать: «Мне надо посеять рожь или не надо?» А тут у него уйдёт день, чтобы понять, разрешают ли ему вообще прикасаться к семенам.

Кракмус вздохнул, будто каждое слово Обосажу было камнем, падающим в его душу.

— Ты не понимаешь, паж. Сложность — это защита. Это броня государства. Если всё будет просто, нас перестанут уважать.

— А если всё будет непонятно, нас перестанут слушаться, — тихо, но твёрдо ответил Обосаж.

В этот момент тяжёлые двери тронного зала распахнулись, и вошла Королева Охуэла.

Она не была похожа на тех королев, которых рисуют на гобеленах: не холодная, не отстранённая, не утопающая в мехах и драгоценностях. Охуэла шла быстро, чуть наклонившись вперёд, будто всегда спешила туда, где что-то происходило. На ней был плащ с заплатками — не из бедности, а из привычки не тратить время на выбор нарядов.

— Что тут происходит? — спросила она, останавливаясь рядом со столом и глядя то на свиток, то на побледневшего Кракмуса, то на упрямого Обосажа.

— Её Величество, — начал Кракмус, выпрямляясь и собираясь с силами, словно готовился произнести речь, достойную вечности. — Мы обсуждаем важность сохранения высокого стиля в государственных документах, дабы...

Охуэла подняла руку.

— Стоп. Я слышу это уже в третий раз за неделю. Скажи короче.

Кракмус замер, будто его ударили по коленям невидимым молотом.

— Короче? — переспросил он, словно это слово было на иностранном языке.

— Да. Короче. Я королева, а не библиотека. Если документ нельзя объяснить за три предложения, значит, он плохой.

Обосаж едва не подпрыгнул от радости, но сдержался — только глаза его вспыхнули, как два маленьких факела.

— Вот! — воскликнул он, тыча пальцем в свиток. — Я как раз об этом! Тут написано: «Во исполнение высочайшего волеизъявления...» — а можно просто: «Королева сказала». И дальше сразу про рожь.

Охуэла посмотрела на свиток. Потом на Кракмуса. Потом снова на свиток.

— Знаешь, паж, — медленно произнесла она, чуть улыбаясь, — в этом что-то есть. Я действительно сказала. И я хочу, чтобы меня поняли.

Кракмус тихо застонал, будто услышал, как рушится сама ткань государственности.

— Ваше Величество... но традиции... но престиж... но соседи...

— Соседи поймут, — спокойно сказала Охуэла. — А если не поймут — пусть спросят. Главное, чтобы свои поняли.

Обосаж почувствовал, как внутри него что-то щёлкнуло — словно открылась дверь, за которой раньше был только глухой тупик. Он понял: это не просто спор о словах. Это начало чего-то большего.

«Я больше не буду переводить с „чиновничьего“ на человеческий в одиночку, — подумал он, глядя на свиток уже не с ужасом, а с вызовом. — Я начну революцию. Маленькую, тихую, но такую, что каждое слово будет значить ровно то, что оно значит».

В тот же вечер, когда зал опустел, а свечи начали гаснуть одна за другой, Обосаж достал чистый лист пергамента и написал сверху крупными буквами:

«СЛОВАРЬ ПРОСТЫХ СЛОВ»

Под этим заголовком он вывел первую строчку:

«Во исполнение высочайшего волеизъявления» → «Королева сказала».

И улыбнулся.

Так началась битва за простое слово. И пусть никто ещё не знал, насколько она будет эпичной — сам воздух в королевстве уже стал чуть легче, будто с него сняли тяжёлый плащ из лишних фраз.

Глава 2. «Словарь бунтаря»

Ночь в королевском дворце тянулась, как плохо составленный указ: бесконечно, с лишними отступлениями и внезапными паузами. В коридорах шуршали сквозняки, а тени от факелов плясали так, будто сами хотели что-то зашифровать — и Обосаж был решительно настроен этому помешать.

Он сидел на полу в каморке за кладовой, где хранились старые чернильницы и перья с потрёпанными кончиками. Перед ним лежала стопка обрезков пергамента — не тех торжественных, что выдают в канцелярии, а простых, чуть шершавых, будто созданных для честных слов. На каждом он выводил аккуратным, но упрямым почерком пару строк: слева — страшное, громоздкое выражение, справа — его человеческий перевод.

«Ввиду вышеизложенного» → «Поэтому».

«Принимая во внимание совокупность изложенных обстоятельств» → «Короче, вот что».

«Надлежит осуществить нижеследующие действия» → «Надо сделать вот это».

Обосаж хмыкнул, глядя на последнюю строчку. «Надо сделать вот это» звучало почти как боевой клич. Он аккуратно вырезал карточки, стараясь, чтобы края были ровными — ведь даже бунт должен выглядеть опрятно.

К рассвету у него получилась целая пачка. Он спрятал их в складки плаща, бросил последний взгляд на свою каморку и прошептал:

— Сегодня слова перестанут прятаться.

Утро во дворце начиналось с суеты, которая маскировалась под порядок. Слуги сновали туда-сюда, словно пытались доказать, что они заняты чем-то исключительно важным. Обосаж двигался среди них, как тихий вихрь: он не толкался, не кричал, но успевал везде.

Карточки появлялись незаметно. На двери канцелярии, прямо под табличкой «Вход строго по согласованию», вдруг оказалась аккуратная бумажка:

«По согласованию» → «Спроси разрешения».

На доске объявлений, где висели распоряжения, написанные так, будто их сочиняли в темноте, появилась ещё одна:

«В целях оптимизации взаимодействия» → «Чтобы всё работало».

А в коридоре, где вечно толпились писцы, он прикрепил самую дерзкую:

«Во исполнение высочайшего волеизъявления» → «Королева сказала».

Сначала никто не замечал. Потом начали замечать, но делали вид, что не видят. А потом началось самое интересное — переглядывания, шёпот, сдержанное хихиканье.

Повар, который каждое утро жаловался, что не понимает, «в каких пределах допустимо использование специй», вдруг замер перед карточкой, прочитал, медленно улыбнулся и проормотал:

— «Допустимо» → «Можно». Вот оно что...

И в тот же день в супе появилось чуть больше перца — не потому что повар осмелел, а потому что он наконец-то понял, что ему разрешают.

Королева Охуэла шла по дворцу, как всегда, быстро, будто боялась опоздать на собственную жизнь. Она любила заглядывать в неожиданные места: в кухни, в кладовые, в коридоры, где обычно не бывает королев. Именно поэтому она первой заметила карточку на стене возле кухни.

Охуэла остановилась. Нахмурилась. Потом наклонилась чуть ближе, будто проверяла, не мерещится ли ей. Прочитала:

«С учётом текущей конъюнктуры» → «Судя по тому, что творится».

Её губы дрогнули. Потом она рассмеялась — не громко, не по-королевски, а по-человечески, искренне, так, что даже стражник у двери смущённо улыбнулся, хотя и не понял, в чём дело.

— Наконец-то, — прошептала Охуэла, проводя пальцем по карточке. — Я годами пыталась объяснить этим канцеляристам, что если я говорю «посмотри, что происходит», я имею в виду именно это, а не «проанализируй текущую конъюнктуру».

Она огляделась, будто пыталась угадать, кто это сделал. И тут заметила ещё одну карточку, чуть дальше:

«В порядке исключения» → «На этот раз можно».

Охуэла покачала головой, но в её глазах плясали весёлые искры.

— Кто-то решил, что язык должен служить людям, а не прятаться от них, — проговорила она тихо. — Мне это нравится.

Тем временем в канцелярии назревал апокалипсис местного масштаба.

Советник Кракмус вошёл в зал, привычно расправил плечи и замер. Он моргнул. Потом моргнул ещё раз, будто надеялся, что картинки перед глазами изменятся.

На его любимом стенде с распоряжениями висела карточка. Прямо под самым важным документом. И на ней было написано:

«Настоящим уведомляем» → «Мы хотим сказать».

Кракмус побледнел. Потом покраснел. Потом снова побледнел, словно его тело не могло решить, какую эмоцию выбрать для такого потрясения.

— Это... это... — прохрипел он, тыча пальцем в карточку. — Это издевательство! Это оскорбление государственного стиля!

Писцы переглянулись. Один из них, молодой и ещё не до конца пропитавшийся канцелярским духом, осторожно сказал:

— Но ведь так правда понятнее...

Кракмус уставился на него так, будто юноша только что предложил заменить корону на вязаную шапку.

— Понятность — это не достоинство документа! — воскликнул советник. — Достоинство — в его... в его... монументальности!

— В его длине? — тихо уточнил писец.

Кракмус не ответил. Он сорвал карточку, скомкал её и бросил на пол, но даже этот жест выглядел не как победа, а как отчаяние.

Обосаж наблюдал за всем этим из-за колонны. Сердце колотилось, как барабан на параде, но он старался выглядеть спокойным — настолько, насколько может выглядеть человек, который только что бросил вызов всей бюрократической машине королевства.

Когда Кракмус ушёл, громко топая и бормоча что-то про «упадок культуры», Обосаж вышел из укрытия. Писцы смотрели на него с разной степенью восхищения и ужаса.

— Это ты сделал? — спросил молодой писец, кивнув на скомканную карточку у ног Кракмуса.

Обосаж хотел было отпереться, но потом решил, что бунтовщики не прячутся.

— Да, — сказал он твёрдо. — И я сделаю ещё. Потому что слова должны помогать, а не мешать.

Писцы снова переглянулись. И на этот раз в их взглядах было не только удивление — там мелькнуло что-то вроде надежды.

А вечером, когда солнце садилось, окрашивая стены дворца в тёплые тона, к Обосажу подошла Королева Охуэла. Она держала в руках одну из его карточек — ту самую, с «во исполнение высочайшего волеизъявления».

— Ты знаешь, — сказала она, чуть улыбаясь, — я сегодня три раза использовала фразу «королева сказала». И знаешь, что самое удивительное?

Обосаж затаил дыхание.

— Все меня поняли. С первого раза. Без уточнений, без переспросов, без вызова толкователя. Это... почти чудо.

Обосаж улыбнулся так широко, что чуть не потерял равновесие.

— Значит, я не зря старался, — пробормотал он.

— Не зря, — подтвердила Охуэла. — Но будь готов: Кракмус уже пишет на тебя жалобу. И, судя по объёму, она займёт два свитка.

Они оба рассмеялись. И в этом смехе было что-то большее, чем просто веселье — в нём слышался хруст старых, тяжёлых слов, которые наконец-то уступали место простым и честным.

Так «Словарь бунтаря» перестал быть тайной. Он стал началом маленькой, но очень важной революции — той, где главным оружием было не копьё, а слово, сказанное прямо.

Глава 3. «Испытание канцеляритом: первый указ»

Утро в канцелярии начиналось не с пения птиц, а с шуршания пергаментов и тяжёлого вздоха главного писца. Казалось, сам воздух здесь был пропитан словами, которые нарочно ставились быть непонятными. На столах громоздились свитки, будто каждый из них хотел доказать, что он важнее предыдущего.

Сегодня был особый день. Королева Охуэла объявила, что хочет пересмотреть самый важный документ королевства — указ о сборе налогов. Для чиновников это звучало примерно как предложение разобрать трон на дрова «просто чтобы посмотреть, из чего он сделан».

— Ваше Величество, — пробормотал советник Кракмус, нервно поправляя мантию, — этот указ формировался веками. В нём — вся мудрость наших предков, вся глубина государственной мысли...

— И вся моя головная боль, — спокойно перебила его Охуэла, усаживаясь на край стола и скрещая руки. — Я читаю его третий раз, и до сих пор не поняла, сколько мешков зерна должен отдать крестьянин из деревни Заболотье. Это не мудрость, Кракмус. Это ловушка для разума.

Кракмус побледнел, будто королева только что оскорбила его личную родословную.

— Но если мы упростим формулировки, казна рассыплётся! Соседи перестанут нас уважать! Дипломаты будут смеяться!

— Пусть смеются над шутками, а не над нашими указами, — ответила Охуэла с лёгкой усмешкой. — А казна пусть лучше наполняется, чем страдает от красивых слов.

В этот момент в зал вошёл Обосаж. Он не пытался выглядеть незаметным — скорее наоборот: шёл твёрдо, как человек, который знает, что сейчас будет битва, и он к ней готов. В руках он держал свой «Словарь бунтаря» — потрепанный, но гордый, словно боевой флаг.

— Я помогу, — сказал он, ставя словарь на стол рядом с указом.

Кракмус посмотрел на книжку так, будто это был ядовитый гриб, случайно попавший на королевский пир.

«Редакционный штурм» начался.

Охуэла, Обосаж и трое писцов (один из которых был тем самым молодым, что уже поглядывал на карточки с надеждой) склонились над свитком. Текст начинался так:

«В силу высочайшего волеизъявления, в целях обеспечения надлежащего функционирования фискальной системы королевства, а также в свете необходимости поддержания должного уровня наполнения государственной казны, надлежит осуществить сбор податей с подведомственных территорий в соответствии с установленными нормативами и в сроки, определённые регламентом...»

Обосаж вздохнул, взял перо и решительно зачеркнул первые три фразы.

— Так, — пробормотал он. — Оставим суть. «Надо собрать налоги».

Кракмус тихо застонал, будто услышал, как рушится сама ткань государственности.

— Нельзя! Это же... это же... фундамент!

— Фундамент должен держать крышу, а не прятать её от глаз, — возразила Охуэла. — Продолжай, Обосаж.

Паж кивнул и продолжил. Он вычёркивал, сокращал, заменял. Там, где было «ввиду вышеизложенного», он писал «поэтому». Там, где громоздилось «с учётом совокупности факторов», ставил короткое «значит».

Писцы смотрели на это с разной степенью ужаса и восхищения. Молодой писец даже начал тихонько подсказывать:

— Тут ещё можно убрать «в порядке исключения из общего правила»... Это просто значит «на этот раз».

Обосаж улыбнулся ему, как союзнику на поле боя.

Через час свиток выглядел совсем иначе. Он стал короче, плотнее, будто сбросил тяжёлую шубу и остался в удобной тунике.

«Королева сказала: надо собрать налоги.

С каждого двора — один мешок зерна.

Срок — до конца месяца.

Если не сдашь — придёт сборщик.

Всё просто».

Охуэла прочитала текст, потом подняла глаза и рассмеялась.

— Вот это я понимаю, — сказала она. — Теперь даже я могу это подписать, не боясь, что случайно пообещаю соседям половину королевства.

Кракмус стоял в стороне, бледный и прямой, как надгробный камень.

— Это конец культуры, — прошептал он.

— Это начало понимания, — ответила Охуэла твёрдо.

Оставалось самое сложное — показать указ королю Гугулю.

Король Гугуль сидел в малом зале, разглядывая свой скипетр так внимательно, будто пытался понять, зачем ему вообще эта штука. Он был добрым, спокойным и, честно говоря, не очень любил читать. Обычно он просто кивал там, где ему показывали, и говорил: «Ладно, ладно, если вы говорите, что надо».

Когда Охуэла и Обосаж вошли, Гугуль поднял глаза и улыбнулся.

— А, это вы. У меня тут загадка: зачем на скипетре столько завитков? Их же неудобно держать.

— У нас тоже есть загадка, — сказала Охуэла, кладя перед ним новый указ. — Но мы её уже решили. Прочитай, пожалуйста. Только вслух.

Гугуль нахмурился, взял лист, поднёс его поближе и начал читать медленно, шевеля губами:

— «Королева сказала: надо собрать налоги...» — он поднял глаза. — Это всё?

— Всё, — кивнула Охуэла.

— С каждого двора — один мешок. Срок — до конца месяца... — Гугуль дочитал и расплылся в улыбке. — О, это мне нравится! Тут всё понятно. А то раньше мне приносили такие свитки, что я боялся, что если кивну не в том месте, начнётся война.

Он взял перо, поставил размашистую подпись и отложил лист.

— Готово. Теперь можно про скипетр подумать.

Обосаж едва сдерживал радость. Он посмотрел на Охуэлу, потом на писцов — и вдруг заметил, что молодой писец улыбается так широко, будто только что выиграл турнир. Даже Кракмус выглядел не столько разъярённым, сколько... растерянным. Как человек, который всю жизнь верил, что для полёта нужны сто крыльев, а тут кто-то взлетел на двух.

Вечером, когда солнце садилось, окрашивая стены дворца в золотой цвет, Обосаж стоял у окна и смотрел на деревню вдаль. Там, в маленьких домах, люди зажигали огни. И он знал: теперь, когда указ стал простым, эти люди поймут, чего от них хотят. Не будут гадать, не будут бояться, не будут прятаться.

Охуэла подошла и встала рядом.

— Ты сделал хорошее дело, — сказала она тихо.

— Я просто вернул словам их смысл, — ответил Обосаж.

— Иногда это самое трудное, — улыбнулась королева.

Где-то внизу Кракмус всё ещё бормотал что-то про «упадок традиций», но его голос уже звучал не как приговор, а как ворчание старого кота, которому не нравится, что в доме открыли окно и пустили свежий воздух.

Так первый указ был переписан. И пусть для кого-то это было потрясением основ, для других — для тех, кто жил и работал в королевстве, — это стало глотком чистого, простого смысла. А для Обосажа — первой настоящей победой в его тихой, но очень важной войне за слово, которое говорит прямо, а не прячется за семью печатями.

Глава 4. «Король Гугуль и сила короткого слова»

В тронном зале стояла привычная тишина — та самая, которая обычно означала, что вот-вот принесут очередной свиток, способный затмить собой полкомнаты. Но сегодня тишина была чуть другой: в ней звенело ожидание. Будто даже люстры, тяжёлые и пыльные, слегка наклонились вперёд, чтобы лучше расслышать, что сейчас произойдёт.

Король Гугуль сидел на троне и задумчиво крутил в пальцах перо. Он не был грозным монархом из легенд — скорее добрым, немного рассеянным и очень уставшим от того, что ему постоянно подсовывают бумаги, которые закрывают ему обзор на весь мир. Иногда ему казалось, что если он подпишет ещё один свиток, то случайно пообещает кому-нибудь луну.

Двери распахнулись, и вошли Охуэла и Обосаж. У пажа в руках был не громоздкий свиток, а аккуратный лист — такой, что его можно было держать одной рукой и даже видеть собеседника поверх него.

— Вот, — сказала Охуэла, кладя лист перед Гугулем. — Новый вариант указа. Тот самый, который мы сократили.

Гугуль посмотрел на лист, потом на Охуэлу, потом снова на лист. И вдруг его лицо оза-рилось таким неподдельным восторгом, будто ему подарили щенка, а не документ.

— А так можно было? — воскликнул он, поднимая лист чуть выше и разглядывая его, как диковинную вещь. — Тут всего три строчки! Раньше мне приносили такие бумаги, что я боялся шевельнуться — вдруг случайно подпишу войну или свадьбу.

Охуэла улыбнулась, а Обосаж едва сдерживал радость — ему хотелось подпрыгнуть, но он помнил, что в королевских залах так не делают. Почти не делают.

— Можно, — сказала Охуэла спокойно. — И нужно. Теперь ты видишь, что подписываешь.

Гугуль кивнул, склонился над листом и прочитал вслух, медленно, но с удовольствием:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.